

Сейчас из уст практически всех политических партий, всех кандидатов на пост президента России звучат обещания принять меры по решению социальных проблем, по ускорению развития национальной экономики. В то же время либералы (как проправительственные, так и «оппозиционные»), раздавая на ходу обещания, вовсе не помышляют об увеличении доходной части бюджета, о справедливом распределении общенациональных ресурсов.

В программе команды кандидата в президенты от КПРФ Николая Харитоновича сделан первоочередной акцент на необходимости обращения богатств страны на пользу народа, а не горстки олигархии. Компартия и её союзники в течение трёх десятилетий поднимали этот вопрос. Либеральная пропаганда сформировала у части населения представление, будто деолигархизация экономики обернётся масштабными потрясениями. Но практический опыт реализации идей левонационалистической оппозиции не оставляет камня на камне от подобных утверждений. В частности, реальное противодействие в 1998–1999 гг. правительством Евгения Примакова – Юрия Маслюкова и Центробанком (Виктор Герасченко) всевластию олигархического капитала позволило стабилизировать социально-экономическую обстановку. Каким образом им удалось даже в условиях острой нехватки денег в казне найти средства для инвестиционных и социальных программ?

Прежде всего, надо говорить о перекрытии после финансовой катастрофы 1998 года каналов вывоза капиталов за границу. Так, указанием Центробанка экспортеров обязали продавать государству 75% валютной выручки. Одновременно наводили порядок в деятельности внешнеторговых компаний. К примеру, ввели дополни-

Залог преодоления кризиса – деолигархизация экономики!

тельное госрегулирование при заготовке, реализации и экспорте древесины ценных лесных пород. Параллельно предпринимались попытки заставить компании топливно-энергетического комплекса платить налоги в российский бюджет. Например, решением правительства от 4 января 1999 года № 17 вводились экспортные пошлины на нефть и на газ, упразднённые Виктором Черномырдиным в 1996 году.

Нельзя не отметить предпринимавшихся при содействии генпрокурора Юрия Скуратова попыток правительства пересмотреть результаты криминальной приватизации, принять меры в отношении ключевых представителей власти и крупного капитала, нанёсших России финансово-экономический урон. В 1998–1999 гг. борьба с коррупцией и с экономическими преступлениями велась последовательно, а не выборочно. Следственные

действия велись в отношении многих предстателей ельцинской «семьи» и связанных с ней олигархических компаний. В результате удалось добиться возвращения государству части ранее захваченных «приватизаторами» банков и корпораций. Так, в ноябре 1998 года арбитражный суд Москвы признал сделку по продаже подконтрольным Владимиру Потанину структурам компании «Пурнефтегаз» недействительной. 9,5% её акций вернулись государственной компании «Роснефть». Одновременно в собственность государства перешло два крупнейших банка. Например, 75% акций ранее подконтрольного Борису Березовскому и Александру Смоленскому СБС-Агро стали находиться в залоге у Центробанка. А банк «Российский кредит» перешёл под управление государственной корпорации «Агентство по реструктуризации кредитных организаций».

Передавая государству часть банков и компаний, правительство Примакова и Маслюкова также не допускало своеволия их руководителей. В частности, ответственные за доведение до убыточного состояния менеджеры госкомпаний «Роснефть» и «Славнефть» были с подачи кабинета министров сняты с должностей. Сдерживались и их финансовые аппетиты руководителей. В частности, введение системного государственного регулирования деятельности госкомпаний предусматривалось постановлением правительства № 253 от 3 марта 1999 года.

Всё это позволило увеличить поступления в государственную казну и использовать их для выполнения социальных обязательств государства и развития национальной экономики. Предпринятые в 1998–1999 гг. попытки «левого поворота» принесли позитивные результаты. По данным Госкомстата, только за октябрь 1998 – март 1999 гг. рост промышленного производства составил 18%, темпы инфляции за сентябрь 1998 – май 1999 гг. снизились с 38,4 до 2,2%. К маю 1999 года удалось на 4 млрд рублей погасить задолженность по зарплатам, на 6 млрд рублей – по пенсионным выплатам. Весной 1999 года впервые за годы «рыночных реформ» на 50% увеличилась зарплата у бюджетников (в первую очередь – у врачей и у учителей), денежное довольствие военнослужащих выросло в 1,62 раза, стипендии студентов – в 2 раза.

Всё это доказывает, что лишь при реальной декриминализации и деолигархизации российской экономики появятся возможности выхода страны на путь устойчивого развития, решения социально-демографических проблем.

Пресс-служба МГК КПРФ

Влюблённые в бутылку

Страна отпраздновала восьмое марта, день, в который, несомненно, прозвучало множество тёплых слов и пожеланий, чтобы мечты наших прекрасных дам обязательно сбылись. О чём же мечтают женщины? Об очень и очень разном: о мире, душевном спокойствии, финансовом благополучии, карьерном росте, путешествиях и, конечно же, о любви. Но, увы, любимых и любящих мужчин хватает не на всех: из тех девяти ребят, что по статистике приходится на десять девчонок, 52% не доживают до 65 лет.

Как правило, настоящий мужик обращается к врачу, лишь когда обломок копья в спине мешает спать. В результате 81% таких брутальных умирают внезапно, 74% – на рабочем месте. Причиной трагедий чаще всего становятся сердечно-сосудистые и онкологические заболевания, но ещё и... алкоголизм.

С соперницей-бутылкой женщинам конкурировать сложно: Россия – одна из самых пьющих стран в мире. У нас преобладает северная модель потребления: высокая доля крепких напитков, большие дозы. Это одна из основных причин низкой продолжительности жизни – каждая пятая смерть в нашей стране связана с употреблением алкоголя. По самым оптимистичным подсчётам он уносит четыреста тысяч жизней в год.

«Колоссальное количество убийств, самоубийств, жертв ДТП, утоплений, отравлений и пожаров обусловлены алкоголем – думаю, что до 2/3 смертей от внешних причин связаны с ним. И, скорее всего, до 1/5 смертей от сердечно-сосудистых заболеваний тоже, а в случае мужчин среднего возраста может быть ещё больше.

Если официально у нас 50 тысяч смертей от причин, которые непосредственно связаны с алкоголем и выделены Росстатом, то косвенно, наверно, наберётся ещё где-то как минимум 120-140 тысяч», – подчёркивает демограф Алексей Ракша.

Не от хорошей жизни

Традиционно население России предпочитало пить от души: ещё в начале 1960-х доля крепкого спиртного в общем потреблении составляла 69%. Но понемногу ситуация улучшалась: для сравнения, в 2000 году доля крепких напитков в розничных продажах алкоголя составляла 71%, в 2020 – уже 43%. Подрос и процент тех, кто вообще не пьёт.

Как бы мы ни любили ругать молодое поколение, особенно радикальные изменения в потреблении спиртных напитков демонстрирует именно оно: согласно исследованиям социолога Валерии Кондратенко из НИУ ВШЭ, в период с 2006 по 2019 год доля пьющей молодёжи в возрасте от 14 до 22 лет уменьшилась в 2,3 раза – с 62,1% до 26,9%. Да и сам

тип потребления алкоголя понемногу менялся с северного на центральноевропейский – нерегулярное распитие слабого алкоголя, такого, как пиво или вино.

Тренд прервался в 2020 году, когда в Россию пришел COVID-19, что неудивительно: стресс, вызванный приходом вируса, и невозможность выбраться из дома подтолкнули людей в больших количествах покупать и потреблять алкоголь. Но Россия в этом плане не одинока: в США 60% опрошенных заявили, что стали пить больше в период эпидемии, а число летальных исходов, связанных с потреблением алкоголя по сравнению с допандемийным периодом подскочило аж на 25%. Схожий рост продаж алкоголя был зафиксирован и в других благополучных странах: в Австралии, Бель-

гии, Франции. Кроме того, участились случаи домашнего насилия.

После нескольких волн COVID-19 эпидемия пошла на спад, что должно было снять избыточную возбудимость населения, но тут же началась спецоперация, вновь усилившая тревожность россиян.

Дёшево и сердито

Ещё один из факторов тяжести алкогольных проблем в России – крайне низкие цены на спиртное. Доступность водки с годами увеличивается: по данным Росстата, в 2000 году на среднюю зарплату можно было купить 26 литров водки, а в 2021 – 89 литров, и это совсем не потому, что зарплаты выросли. Люди с низкими доходами пьют даже больше, чем те, чей достаток выше среднего – но, конечно, не «Хеннесси». «Если это палёный алкоголь, то в нём могут быть некачественные спирты, включая метанол, просто яд, и другие вред-

ные биологически активные вещества. Эти напитки, соответственно, имеют большее токсическое действие. Они быстрее вызывают опьянение и оказывают негативное влияние на внутренние органы, желудочно-кишечный тракт и центральную нервную систему», – отмечает нарколог Алексей Егоров, доктор медицинских наук.

Повышать цены, однако, тоже может быть чревато: да, возможно, потребители переключатся с низкокачественной суррогатной продукции на более достойную легальную, но в то же время велика угроза увеличить объём потребления. Государственное регулирование может стать очень эффективным средством борьбы, но может и обернуться гораздо более негативными последствиями. Достаточно вспомнить два сухих закона, принятых в нашей стране: один – перед крахом Российской империи, другой – накануне развала СССР.

Слишком жёсткое регулирование продажи алкоголя и повышение цен тоже создают определённые риски: потребители могут переключиться на самогон и суррогатные продукты, не предназначенные для потребления в пищу. Эта культура и сегодня, увы, чересчур развита: около 30% всего спиртного, выпиваемого россиянами, составляет именно незарегистрированное. Среди крепких напитков эта доля ещё выше – 53%.

Получается, что единственный способ сократить потребление алкоголя – наладить жизнь в стране. Но такая простая мысль отчего-то не приходит властью имущим в голову.

Александра Смирнова